АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

П.Б. Михайлов

Метафизический дискурс в современном православии: различение сущности и энергий*

Петр Борисович Михайлов – доктор теологии, профессор. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Российская Федерация, 127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1;

e-mail: locuspetri@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3492-5055

Книга Д. Брэдшоу рассматривается в переключке с его ранней монографической публикацией на ту же тему – различение сущности и энергии, представленной как ключевая проблема христианской философии и теологии, до сих пор отзывающаяся на взаимоотношениях двух частей мирового христианства. Устанавливаются жанровые, композиционные различия двух книг, а также прослеживается концептуальная динамика в развитии исследований автора на значительном хронологическом отрезке. Показано, что в изучаемых публикациях конфессиональная принадлежность автора получает свое невольное отражение несмотря на предустановленные рамки строго академического исследования. Обращается внимание на то, что и сам материал рассматриваемых исследований делает подобные нарушения границ неизбежными и даже оправданными. Предлагается версия обобщающего изложения основного содержания проекта в виде трех этапов: 1) восточная история проблемы в философском плане – от Платона и Аристотеля до Плотина и Прокла, и в теологическом – от апостола Павла до Паламы; 2) западная история проблемы – от первых латинских переводов Нового Завета до высокой схоластики с особым вниманием к Августину и Фоме Аквинскому, а затем и до Лютера; 3) модальность процедуры различения сущности и энергий, для которой обнаруживается тройное сочетание – онтологического, эпистемологического и эмпирического подходов.

Ключевые слова: философская теология, православный конвертизм, сущность и энергия, паламизм, Августин, онтология и эпистемология, религиозный опыт

* Рецензия на книгу: *Bradshaw D. Divine Energies and Divine Action: Exploring the Essence-Energies Distinction. St. Paul, Minnesota: IOTA Publications, 2023.*

Ссылка для цитирования: Михайлов П.Б. Метафизический дискурс в современном православии: различение сущности и энергий // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2025. Т. 9. № 1. С. 175–184.

Metaphysical Discourse in Contemporary Orthodoxy: Distinction of Essence and Energies

Petr B. Mikhaylov

St. Tikhon's Orthodox University. 6/1 Lihov pereulok, Moscow, 127051, Russian Federation;

e-mail: locuspetri@rambler.ru

ORCID:0000-0003-3492-5055

The book of D. Bradshaw is examined in relation to his earlier monograph on the same subject – the distinction between essence and energy, presented as a key problem of Christian philosophy and theology, with ongoing relevance to the dialogue between the two major traditions of world Christendom. The analysis identifies the genre and compositional differences between the two books, as well as the conceptual evolution of the author's thought over a significant period of time. Despite the author's commitment to a strictly academic framework, his confessional orientation inevitably influences his work, albeit unintentionally. The study argues that the nature of the subject matter itself renders such boundary transgressions unavoidable and methodologically justified in some respects. The analysis further proposes a synthesizing framework for understanding the overarching content of Bradshaw's project, structured into three distinct stages: 1) the Eastern historical trajectory of the problem, explored philosophically – from Plato and Aristotle through Plotinus and Proclus – and theologically – from the Apostle Paul to Gregory Palamas; 2) the Western historical trajectory – from the earliest Latin translations of the New Testament to the high Scholasticism with special attention to Augustine and Thomas Aquinas, and extending to Luther; and 3) the modality of the procedure for distinguishing between essence and energies, which is analyzed through a tripartite combination of ontological, epistemological, and empirical approaches.

Keywords: philosophical theology, Orthodox convertism, essence and energy, palamism, Augustin, ontology and epistemology, religious experience

Citation: Mikhaylov P.B. "Metaphysical Discourse in Contemporary Orthodoxy: Distinction of Essence and Energies", *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2025, Vol. 9, No. 1, pp. 175–184.

Известный американский историк философии и православный философ Дэвид Брэдшоу опубликовал в 2023 г. новую книгу – «Божественные энергии и Божественное действие: исследование различения сущности и энергий» – на тему, на которую без малого за двадцать лет до того выпустил другую монографию, получившую широкий резонанс и ставшую реферативной публикацией (имеется в виду аналог англ. book reference) – «Аристотель на Востоке и Западе: Метафизика и разделение христианского мира» (англ: 2004; рус. перевод: 2012). Ранняя книга читается как захватывающая история об *энергии*, утратившей память о себе на латинском Западе и сохранившейся лишь в потаенных хранилищах греческого Востока. Энтузиазм первопроходца, по всей видимости,

побудил автора продолжить разработку найденной темы. Первая книга представляет материал более полно и проблемно, вторая опускает многие промежуточные звенья, в частности, не так подробно рассматривает сложнейшую генеалогию понятия *энергии* на Востоке и Западе. За первой публикацией последовало оживленное обсуждение, в котором Брэдшоу принял активное участие, получившее отражение в ряде опубликованных в последующие годы статей. Нынешняя книга представляет собой их собрание воедино. Из восьми статей, вошедших в сборник, лишь две написаны специально для него. При этом, как и всякий сборник, состоящий из самостоятельныхopusов, эта книга несет на себе риски повторов и неизбежно теряет в цельности общей композиции. После единого панорамного текста читатель получил теперь серию вариаций на заданную тему, впрочем, значительно расширяющих первоначальный тематический охват и открывающих новые уровни и контексты для обсуждения темы. Но прежде несколько слов об авторе.

Дэвид Брэдшоу – профессор и декан философского факультета университета Кентукки, член многих профессиональных сообществ и ассоциаций, в том числе ряда международных православных организаций: с 2002 г. – Общества православных философов в Америке (Society of Orthodox Philosophers in America), с 2016 г. – Международной православной богословской ассоциации (International Orthodox Theological Association, сокр. ИОТА), наиболее представительной на сегодня международной православной организации, в издательстве которой и опубликована его последняя монография. Дэвид Брэдшоу относится к такому интересному явлению последних десятилетий, которое принято называть профессиональным *конвертизмом*, т.е. переходом из одной христианской конфессии или церковной традиции в другую¹. В последние годы это явление приобрело международный и весьма широкий характер, возможно, недооцененный до сих пор. Достаточно упомянуть лишь наиболее звучные имена в мировой гуманитарной науке перешедших в православие теологов: оксфордский профессор, митрополит Каллист Уэр (1934–2022), американский теолог и историк Ярослав Пеликан (1923–2006), немецкий теолог и православный диакон Карл Кристиан Фельми (1938–1923), французский патролог Жан-Клод Ларше (род. 1949), профессор университета Осло Торстейн Толлефсен (род. 1953) и многие другие. При этом многие выдающиеся мыслители и ученые, пережившие такое духовное обращение, сами оценивают его иначе и глубже, предпочитая говорить не об обращении в истину, а о возвращении к ней. Дэвид Брэдшоу обратился в православие в молодости, заинтересовавшись трудами выдающихся богословов русской диаспоры и их иностранных продолжателей – В.Н. Лосского, священника Иоанна Мейендорфа и митрополита Каллиста Уэра, а также под личным влиянием британского библеиста, специалиста по библейским переводам в эпоху Возрождения, бывшего академическим наставником Брэдшоу, Уорда Аллена [Bradshaw 2023: XII].

¹ Термин «религиозный конвертизм» был введен А.В. Карташевым, впрочем, для описания обратных процессов – обращения из православия в другие конфессии в истории Русской церкви XVIII–XIX вв., см.: [Карташев 1959: 405].

Православный конвертизм обнаруживает отраженный эффект от того мощного импульса, который был придан проповеди православия в современном мире корифеями русского Серебряного века, оказавшимися в эмиграции или, как они любили говорить, «не в изгнании, но в послании». Как показывает и настоящий пример, результаты этого послания до сих дают о себе знать. Причем в сфере академической науки, напрямую с церковным богословием и проповедью не связанной. Однако тем большее впечатление это производит и тем более широкое будущее открывается перед православным свидетельством в мире. Научная миссия современных православных богословов, происходящих из неправославной среды, – явление еще мало изученное и не оцененное по достоинству, да и, по всей видимости, еще не исчерпавшее свой собственный потенциал. И Д. Брэдшоу – один из ее сильных голосов. И хотя сам он это нигде не объявляет и даже, более того, отказывается от каких-либо апологетических ролей, однако дела говорят сами за себя. И так, сбываются прозрения русских богословов прошлого столетия, исполняются их ожидания. Православие теперь охватывает весь мир, не ограничиваясь восточными окраинами средиземноморского региона или «содружеством византийских наций» и их потомков. Ученые и интеллектуалы, принадлежащие разным национальным школам и традициям, решают апологетические и миссионерские задачи с большим размахом.

В своих книгах Дэвид Брэдшоу настойчиво утверждает, что «различение непознаваемой божественной сущности и божественных энергий, “нисходящих к нам” и постигаемых в опыте, является центральным для восточного православного богословия. Оно закладывает базовую структуру для православного понимания отношения Бога к миру и, тем самым, для широкого круга тем, таких как богопознание, богословский язык, божественное присутствие в мироздании, а также природа *обожения*» [Bradshaw 2023: XI]. В этом убеждении Брэдшоу примыкает к традициям «парижских богословов» русской эмиграции – свящ. Г. Флоровскому, В. Лосскому и свящ. И. Мейендорфу, которые первыми открыли для современной мысли наследие Григория Паламы и православия в целом. Впрочем, их публикации вызвали поначалу различные реакции – от восторженных со стороны преимущественно православных авторов до критических, главным образом со стороны представителей иных конфессий. Паламу часто упрекали и продолжают упрекать в неточном и даже превратном использовании текстов как своих предшественников, так и оппонентов, в смешении богословских и философских источников. В его метафизике обнаруживали главным образом неоплатонические истоки. Однако детальные исследования многочисленных авторов, проведенные за последние годы – Ж.-К. Ларше, Т. Толлефсена, Н. Рассела, Э. Лаута, Т. Пино, среди которых книги и статьи Д. Брэдшоу занимают почетное место, – показали тенденциозность этих оценок и подтвердили правоту первоначальных предположений о верности Паламы восточной христианской традиции. Особенная заслуга Брэдшоу заключается в убедительном доказательстве философской состоятельности и метафизики паламизма.

Первая книга Брэдшоу вызвала весьма широкую международную и межконфессиональную реакцию. Порой она становилась установочным докумен-

том для проведения научных семинаров и коллоквиумов. Одно из таких мероприятий было проведено Институтом православных христианских исследований в Кембридже в 2008 г. Материалы вышли отдельной монографией, собравшей развернутые реакции, поддержку и критику отдельных тезисов Д. Брэдшоу [Divine essence 2013]. Помимо прочего здесь высказано мнение католического священника Антуана Леви (университет Фрибурга в Швейцарии) о том, что в книге об энергии Брэдшоу выступает в качестве апологета православия, что сам Брэдшоу решительно отрицает (см. седьмую главу [Bradshaw 2023: 151–170]). Он заверяет своих собеседников в том, что выступает не как теолог, а как философ. Его занимает не вопрос легитимности восточного православия или западного католичества. Он старается избегать даже самого упоминания православия и католичества. Его главный интерес лежит в области взаимодействия западной философии и христианской теологии и, наконец, главным своим вопросом он считает следующий: «...существует ли какой-то особенный подход к проблеме *Афин и Иерусалима* [иными словами, проблемы разума и веры. – П.М.] в Византии и, если так, то в чем заключаются его философские преимущества или недостатки сравнительно с Западом?» [Ibid.: 166]. Но в самом деле, удастся ли ему удержаться на такой методологически выверенной независимой исследовательской мета-позиции? Соответствуют ли ей главные выводы его первой книги?

Многих читавших «Аристотеля» Брэдшоу задело заключительное предложение последнего абзаца всей книги: «...не является ли Бог, бывший на протяжении западной истории предметом стольких раздоров и разногласий, не чем иным, как просто идолом?» [Bradshaw 2004: 360]. На это весьма сильное вопрошание, звучащее скорее как обвинение, выдвинутое едва ли не ко всей западной цивилизации, откликнулся другой участник обсуждения, Ник Тракакис (Центр философии и феноменологии религии Австралийского католического университета) в не менее резком ключе: «То, как может кто-либо, а тем более историк идей, сказать подобное о Боге Августина, Ансельма и Аквината, находится за пределами моего понимания» [Trakakis 2015: 212]. На это Брэдшоу отвечает, что коллега не принял во внимание контекста фразы, которую сам характеризует скорее как повод к размышлению. Кроме того, она следует за «осторожным анализом философской теологии Августина и Аквината, а также краткого, но достаточного описания того краха, который произошел с западным теизмом в эпоху Просвещения» [Bradshaw 2023: 158]. Стоит признать, что перечень проводников этого краха в позднейшем ответе Брэдшоу выглядит расширенным, что говорит скорее в пользу его оппонента. Теперь здесь наряду со Спинозой, Юмом, Кантом, Гегелем и Ницше упоминаются Вольтер, Дидро, Фейербах, Маркс, Милль и Дарвин. Но даже если принять во внимание нейтрально философский контекст утверждения Брэдшоу, его экспликации неизбежно затрагивают теологические предметы. Ведь и философская теология Августина и Фомы, как бы мы ни определяли саму эту дисциплину или дискурс, имеет прямое отношение к их религии. Более того, за три страницы до этого финального аккорда в «Аристотеле» Брэдшоу высказывается уже совершенно в теологическом, и даже более того – конфессионально-полемическом ключе: «...есть основания заключить, что восточная традиция

по существу своему ортодоксальна. А если так – и если я также прав, утверждая, что западная традиция неортодоксальна уже начиная с Августина... тогда совсем в ином свете видится долгое движение Запада к неверию» [Брэдшоу 2012: 357]. Тем самым вполне соблюсти свое методическое воздержание от богословских и конфессиональных суждений в рамках философской теологии Брэдшоу так и не удастся.

Однако перейдем к существу вопроса. Вкратце судьба и внутренний строй различения сущности и энергии в изложении Брэдшоу могут быть представлены в следующих пунктах: 1) восточная история, включая данные Нового Завета; 2) западная история; 3) модальность самой процедуры различения сущности и энергий.

Философский контекст в исследованиях генеалогии пары понятий энергии и сущности до Брэдшоу оставался по большому счету неохваченным. Его обзор со всей наглядностью показывает, что ключевые элементы христианского энергетизма были отработаны еще философами от Платона и Аристотеля до Плотина и Прокла. Особенно заметен вклад философствующего иудея Филона Александрийского (ум. ок. 50 г.) с его апофатическим пониманием сущности и последовательным различением сущности и энергии. Важным этапом истории стала плотинская разработка теории «двух действий» (энергий) – действия сущности и действия, идущего от сущности, иными словами, апофатический и катафатический аспекты энергии. Наконец, неоплатоники уделили особое внимание теургическим и магическим качествам энергии и связанному с этим вопросу о причастности адепта сущности через энергию.

Повышенной ценностью обладают наблюдения Брэдшоу над использованием существительного ἐνέργεια и глагола ἐνεργέω с дериватами в Новом Завете и особенно у апостола Павла (особенно вторая глава: «Божественные энергии в Новом Завете» [Bradshaw 2023: 27–56]). Во-первых, у Павла глагол ἐνεργέω впервые в греческой письменности устойчиво используется для описания действия сверхъестественных сил – Бога, ангелов или демонов [Ibid.: 9]. Во-вторых, он широко применяет пассивный залог при медиально-пассивной форме глагола для выражения мысли о внешнем воздействии этих сил на человека или их действии через человека. Уже в чтении Павловых посланий Брэдшоу замечает начало того будущего разлома христианской метафизики, который прослеживается в его книге «Аристотель». Уже на этом, самом раннем этапе, ключ к богословскому пониманию энергии на Западе был потерян, ведь, начиная еще со старолатинских переводов, при передаче этих мест посланий пассивный залог заменялся медиальным. И в таком случае агентом действия в духовном мире оказывался человек, что глубоко импонировало характерному западному антропоцентризму, тогда как восточному христианству всегда оставалась присуща глубокая интуиция божественной инспирации.

Брэдшоу показывает, что западное решение стало преобладающим после Лютера, поскольку подкрепляло доктрину о спасении *одной верой*. Именно так стало принято переводить ключевое место из апостола Павла: во Христе *Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью* (Гал 5:6). Брэдшоу отстаивает страдательный залог в чтении: «вера, которой движет любовь», что хорошо вписывается в иерархию христианских

добродетелей по Павлу: *вера, надежда, любовь; среди которых любовь бóльшая* (ср. 1 Кор 13:13). Особое внимание он уделяет синергичному аспекту бого-человеческого действия, в частности, в послании к Ефесянам (Еф 4:16), где обнаруживается ясно выраженная интуиция совместного действия Бога и человека, реализуемого в церковном единстве, что будет так важно в исихастском понимании восприятия божественной энергии. Таким образом, Брэдшоу отмечает уже в самом начале христианства такое «понимание Бога, которое состоятельно философски и созвучно библейской картине» [Bradshaw 2023: 79].

В свой обзор греческой истории вопроса Брэдшоу привлекает множество свидетелей. Но наиболее выдающаяся роль принадлежит избранным. Среди них великие каппадокийцы, Ареопагитики и Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин и, наконец, Григорий Палама, подведший итог многовековому развитию. Каппадокийцы ввели и теоретически обосновали методическое различие непознаваемой сущности и познаваемой и именуемой энергии. Уже у них звучит главный тезис позднейшего паламизма о том, что «энергии – это не просто деятельности, но что они в некотором смысле суть Сам Бог» [Брэдшоу 2012: 223]. Высшая мера апофатизма выражается в утверждении Григория Нисского, что само имя «Бог» есть имя не Бога, но Его энергии. Они же накрепко связали процесс постижения божественных энергий с преображением человека, что с тех пор оформилось в доктрину обожения. Ареопагитики и Максим обогатили и уточнили полученный результат, встроив богословие энергий в церковное учение о Христе и самой Церкви. Важное добавление сделал Максим, разработавший доктрину божественных логосов (λόγοι) как заложенных в основание мира еще до его создания божественных энергий-волений. Паламе через много столетий оставалось лишь верно следовать своим великим предшественникам.

Брэдшоу показывает, что западная латинская мысль не проявила должной чуткости ни к философской, ни к богословской разработке античной метафизики энергии. Ключевую роль в формировании латинской христианской метафизики сыграл Августин. Его понимание таково. Сущность тождественна бытию, ее постижение возможно, но лишь в исключительных случаях или посмертно, да и то лишь как чистое понятие; энергия – это всего лишь отдаленное подобие или тварное отражение недостижимой сущности; зияние между сущностью и энергией непреодолимо в этом мире. Впрочем, православный энергетизм имел шанс проникнуть на Запад, однако этого не произошло, поскольку его едва ли не единственный проводник – Иоанн Скот Эриугена (815–877), переводчик Ареопагитского корпуса и Максима Исповедника, – подпал под обвинения в пантеизме в 1225 г., когда папа Гонорий приказал сжечь его трактат *О природе*. В 1241 г. в Парижском университете, за пятнадцать лет до того, как Фома приступил в нем к преподаванию, было сформулировано отрицание того, что «божественную сущность саму по себе не может увидеть ни человек, ни ангел» – мнение, приписывавшееся Эриугене (2023, 77). Ведь, следуя Августину, ее созерцали Моисей и апостол Павел [Bradshaw 2023: 75] – утверждение, совершенно недопустимое для восточного апофатизма. Брэдшоу в недоумении замечает: «Трудно найти столь же поразительный пример непонимания между двумя половинами христианского мира: точка зрения, которую

Фома считал еретической, рассматривалась на Востоке как православная, по крайней мере, с IV в., однако Фома об этом не знал» [Брэдшоу 2012: 334].

Существование проблемы заключается в том, что в западной богословской традиции различие сущности и энергии отсутствует, что создает неразрешимые трудности для понимания факта божественной трансцендентности и неопровержимого опыта священного, о котором свидетельствует христианская духовность. Основным тезисом первой монографии Брэдшоу и состоял в том, что именно это метафизическое расхождение лежит в основе всех последующих богословских разногласий между греками и латинянами, будь то учение об исхождении «и от Сына» (т.н. *filioque*) или доктрина обожения, учение о таинствах или о посмертном состоянии.

Во второй книге (четвертая статья «Сущность и энергия: каково различие?» [Bradshaw 2023: 81–117] Брэдшоу специально рассматривает вопрос о самой процедуре различения в аспектах ее модальности – имеет ли она реальное или интеллектуальное измерение? Реальна (πράγματι) или концептуальна (ἐπινοίᾳ) модальность различения сущности и энергии – это весьма давняя дискуссия, которая нисколько не утратила своей остроты. Прежде исследователи склонялись к первому варианту, однако подобная интерпретация чревата своеобразной материализацией понятий сущности и энергии. Разумеется, второй вариант – различие, понятое как сугубо интеллектуальная операция, – вызывает подозрения в искусственности и неподлинности самого этого опыта. Напрашивается неточная аналогия со средневековым спором о статусе универсалий – реализм/номинализм. И вполне закономерно ожидается появление третьей, умеренно реалистической позиции, – концептуализма. Нынешние исследователи придерживаются преимущественно этого решения. Норманн Рассел говорит о концептуальном различии, основанном на реальности – «*distinctio rationis cum fundamento in re*» [Russell 2019: 183]. Брэдшоу фиксирует классическую томистскую схему [Bradshaw 2023: 108–110]: 1) реальное различие (*real distinction*), которое не зависит от опыта его осмысления; 2) интеллектуальное различие (*rational distinction*), имеющее значение лишь как факт мысли; 3) означающее различие (*notional distinction*), имеющее значение как акт именованья различных свойств целостной реальности. Затем упоминает *реальное и формальное различие* Дунса Скота, отмечая, что среди схоластов именно ему удалось ближе других подойти к различению сущности и энергии по Паламе [Ibid.]. При этом он проводит методическое различие между онтологией и эпистемологией. Различение модусов существования обсуждаемых реальностей божественного бытия имеет эпистемологическое измерение, укорененное в онтологии. И хотя такое решение представляется единственно верным, поскольку в данном случае речь идет о некоем интеллектуальном различии запредельной реальности, однако недостаточным.

Брэдшоу показывает, что главные проводники понятия *энергии* в христианском богословии – каппадокийцы и Максим Исповедник – не останавливались лишь на этом этапе. Для них различие сущности и энергии «не является только эпистемологическим и онтологическим, ибо душа непосредственно переживает его, когда стремится познать Бога» [Брэдшоу 2012: 252; ср. Bradshaw

2023: 69] – «Бог не является объектом концептуального знания, но может быть познан лишь на опыте»). Иными словами, дихотомия реальное/номинальное имеет своим полноценным решением эмпирическое продолжение. В полноте энергия, а через нее и сама сущность воспринимаются опытно, а не чисто рационально. Недаром эпиграфом к первой книге Брэдшоу взял выразительный афоризм Дионисия Ареопагита – οὐ μόνον μαθῶν ἀλλὰ καὶ παθῶν τὰ θεῖα («не только узнавать, но и переживать божественное» – *De Divinis nominibus*. II, 9). Так что избежать вовлеченности в предмет исследования в данном случае не позволяет сам материал. В противном случае рассуждение останется на уровне интеллектуального упражнения, плачевные исторические последствия чего так ярко показаны в первой книге. В заключении нынешней книги Брэдшоу приходит уже к принципиально другому выводу. Что от Августина до Фомы послужило разделению христиан, то сегодня призвано послужить их объединению. Так энергия пробивает себе путь в плотном контексте западной мысли.

В заключительном разделе Дэвид Брэдшоу обзревает современные разработки в области гуманитарного и технического знания, предпринятые в последние годы с опорой на дихотомию сущности и энергии. Он констатирует расширение сферы ее присутствия за пределами одной лишь православной мысли. В частности, католические ученые предпринимая попытки применить и применить паламитское различие сущности и ипостаси к томизму. Протестантский вклад также заметно обогащает этот дискурс, что в совокупности позволяет автору книги сформулировать общий вывод и наметить главную перспективу для дальнейшего изучения – «различие сущности и энергии не является уникальной особенностью православия, но относится к общему наследию всех христиан и в таком качестве предоставляет важный ресурс для христианского ответа на вызовы современности» [Bradshaw 2023: 204]. Таким образом, Брэдшоу призывает к обращению, а правильнее сказать, к возвращению к тому исконно христианскому пониманию присутствия Бога в мире, воздействию Его на человека и возможности на него отозваться, которое так точно передается многомерным понятием энергии. Содержание нынешних исследований обнаруживает перспективный сдвиг в мировой историографии в сторону адекватного понимания и принятия концепта энергии в самых широких научных и религиозных контекстах. И в этом «повороте к энергии» немалая заслуга принадлежит Дэвиду Брэдшоу.

Список литературы

Брэдшоу 2012 – *Брэдшоу Д.* Аристотель на Востоке и Западе: Метафизика и разделение христианского мира. М.: Языки славянских культур, 2012.

Карташев 1959 – *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. Париж: YMCA-Press, 1959.

Мейендорф 1997 – *Мейендорф И., протопр.* Жизнь и труды святого Григория Паламы. Введение в изучение. СПб.: Византинороссика, 1997.

Bradshaw 2004 – *Bradshaw D.* Aristotle East and West. Metaphysics and the Division of Christendom. Cambridge: Cambridge University Press, 2004 (2008).

Bradshaw 2023 – *Bradshaw D. Divine Energies and Divine Action: Exploring the Essence-Energies Distinction*. St. Paul, MI: IOTA Publications, 2023.

Divine Essence 2013 – *Divine Essence and Divine Energies: Ecumenical Reflections on the Presence of God in Eastern Orthodoxy* / Eds. C. Athanasopoulos and Chr. Schneider. Cambridge: James Clarke & Co., 2013.

Larchet 2010 – *Larchet J.-C. La théologie des énergies divines. Des origines à saint Jean Damascène*. Paris: Cerf, 2010.

Pino 2023 – *Pino T. Essence and Energies: Being and Naming God in St. Gregory Palamas*. N.Y.: Routledge, 2023.

Russell 2019 – *Russell N. Gregory Palamas and the Making of Palamism in the Modern Age*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

Tollefsen 2012 – *Tollefsen T. Activity and Participation in Late Antique and Early Christian Thought*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Trakakis 2105 – *Trakakis N.N. The Sense and Reference of the Essence and Energies // Divine Essence and Divine Energies: Ecumenical Reflections on the Presence of God in Eastern Orthodoxy* / C. Athanasopoulos, Chr. Schneider, eds. Cambridge: James Clarke & Co., 2015. P. 210-231.

References

Bradshaw, D. *Aristotle East and West. Metaphysics and the Division of Christendom*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004 (2008).

Bradshaw, D. *Divine Energies and Divine Action: Exploring the Essence-Energies Distinction*. St. Paul, MI: IOTA Publications, 2023.

Bredshow, D. *Aristotel' na Vostoke i Zapade: Metafizika i razdelenije hristianskogo mira* [Aristotle East and West. Metaphysics and the Division of Christendom]. Moscow: Jaziki slavjanskikh kul'tur Publ., 2012. (In Russian)

Divine Essence and Divine Energies: Ecumenical Reflections on the Presence of God in Eastern Orthodoxy, ed. by Constantinos Athanasopoulos and Christoph Schneider. Cambridge: James Clarke & Co., 2013.

Kartashov, A.V. *Oчерки по истории русской церкви* [Essays on the History of the Russian Church]. T. 2. Paris: YMCA-Press, 1959.

Larchet, J.-C. *La théologie des énergies divines. Des origines à saint Jean Damascène*. Paris: Cerf, 2010.

Mejendorf, I., protopr. *Zhizn' i trudi svjatitelja Grigorija Palami. Vvedebije v izuchenije* [Life and Works of St. Gregory Palamas. Introduction in research]. Saint Petersburg: Byzantinorossica Publ., 1997. (In Russian)

Pino, T. *Essence and Energies: Being and Naming God in St. Gregory Palamas*. New York: Routledge, 2023.

Russell, N. *Gregory Palamas and the Making of Palamism in the Modern Age*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

Tollefsen, T. *Activity and Participation in Late Antique and Early Christian Thought*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Trakakis, N.N. "The Sense and Reference of the Essence and Energies", in: *Divine Essence and Divine Energies: Ecumenical Reflections on the Presence of God in Eastern Orthodoxy*, ed. by Athanasopoulos, Constantinos and Christoph Schneider. Cambridge: James Clarke & Co., 2015, pp. 210-231.